

Илья Ничипоров

ПЕСЕННО-ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ЛЮДИ ТРУДНЫХ ПРОФЕССИЙ В ИЗОБРАЖЕНИИ Ю. ВИЗБОРА И В. ВЫСОЦКОГО

Раскрытие душевного склада людей трудных профессий в творчестве Ю. Визбора и В. Высоцкого

В поэтических произведениях авторской песни персонажная сфера всегда отличалась яркостью и социально-психологическим многообразием. Значительное место в песенной поэзии Ю. Визбора и В. Высоцкого занимает художественное раскрытие душевного склада людей, реализующих свой внутренний потенциал в «трудных» профессиональных призваниях, где в экстремальных положениях испытываются на прочность их личностные качества, межчеловеческие отношения. *Это моряки, геологи, альпинисты, шахтеры, спортсмены, обретающие в стихах Ю. Визбора и В. Высоцкого возможность прямого нешаблонного самовыражения, в котором угадываются как приметы времени, так и черты родства с творческим сознанием самих поэтов, размышляющих о нравственно-философских аспектах бытия.*

Пути художественного постижения внутреннего мира песенных героев у Ю. Визбора и В. Высоцкого весьма многоплановы. Прежде всего стоит отметить весьма распространенные в их поэзии *портреты людей трудных профессий*.

Портрет людей трудных профессий в творчестве Ю. Визбора

У Ю. Визбора элементы таких портретов проступают уже в ранних стихах и песнях середины 1950-х гг. («Парень из Кентукки», «Закури», «Жить бы мне, товарищи, возле Мелитополя...», «Маленький радист» и др.). В них пре-

обладает пока поэтический рассказ о тех профессиональных общностях, представителями которых выступают герои — «маленькие радисты с большого корабля», о нелегких условиях их труда, в процессе которого происходит углубленное осознание ими ценности внутренних переживаний. Так, эмоциональная речь северного рыбака («Жить бы мне, товарищи...») становится созвучной строю народной лирической песни:

Но живу я в том краю, там, где дни короткие,
В области Архангельской с детства рыбаком.
Северные девушки с гордою походкою
Вдоль по нашей улице ходят вечером...

(1,27)*

Облик персонажа через призму вдумчивого повествователя

Позднее эти визборовские портреты героев становятся все более подробными и психологизированными. **Социально-психологический облик персонажей предстает в них чаще всего в призме вдумчивого взгляда повествователя, способного в деталях поведения героя ощутить его душевный мир**, — в «Командире подлодки» (1963), «Стармехе» (1965), «Репортаже о ракетчиках» (1968) и др. В стихотворении «Командир подлодки» из непосредственных впечатлений повествующего «я» («вот что я видел...»), жестовых подробностей поведения командира рождается глубокое понимание трагедийного мироощущения героя, окруженного «водой, скрывающей черные глубины..., память трагических походов». В «Стармехе» профессионально-бытовая конкретность картины противодействия моряков природной стихии

Метелей белые ножи
Разламывал своей машиной
соединена с лирико-романтической тональностью в описании героя:
Голубоглазый мой стармех
Экзюпери всю ночь читает...

(1,145)

Интересно здесь и композиционное решение: рассказ стармеха предстает в форме участного обращения к нему повествователя, досконально знающего детали жизни на корабле:

И Антуан Экзюпери
Вот здесь скрестил с тобой маршруты.
На море снег, на море снег...

(1,145)

Поступок и действие как отражение ментального склада

Не только в портретных зарисовках, но и в напряженной сюжетной динамике прорисовывается Ю. Визбором ментальный склад героев трудных профессий. Говоря об антропологи-

* Здесь и далее ссылки на текст Ю. Визбора даны с указанием тома и страницы по изданию: *Визбор Ю.И. Сочинения*: В. 3. т. М., 2001.

Жизненные пере-
петы героя — сплав ве-
щественного и мета-
физического

ческом аспекте собственного художественного мира, поэт-пе-
вец подчеркнул расширенное понимание самого феномена «труд-
ной профессии»: «Сила человека — не в профессии и не в судьбе...
Мои герои — это люди поступка, люди действия... Если вник в дело,
которому посвятил тебя твой герой, то громким — и чаще всего не-
искренним — словам места в песне не остается...» (3,363). В сюжети-
ке песен Ю. Визбора и В. Высоцкого преобладают поворотные, «по-
граничные» ситуации, сопряженные с **этикой риска** и открываю-
щие для героев новое измерение жизни и профессионального труда.

В стихотворении Ю. Визбора «Вот вы тоже плавали когда-то...»
(1958) коллективный рассказ о сущности морского призвания,
сочетающийся с личностным повествованием одного из моряков,
наполнен ощущением таинственного смысла перипетий дальнего
плавания, что передается и на уровне поэтического языка, являю-
щего **сплав вещественного и метафизического**:

Плыли мы неведомо куда
По путям надежды и познания.
... Я держусь за поручни надежд
И до боли вглядываюсь вдаль...

(1,70–71)

В песне «В твоей душе» (1961) геологическое исследование природы
вписано в образный контекст психологической лирики, ассоции-
руясь с бесконечностью познания близкой души:

Давно домой геологи вернулись,
А мне тебя искать еще сто лет!

(1,85)

Хронотоп «окраины» Особую художественную функцию выполняет у Ю. Визбора и **хро-
нотоп «окраины», «края» земли**, сопряженный с атмосферой
духовного и профессионального поиска героев. В песне «Окраина
земная» (1965) в лирическом монологе моряка, наполненном воз-
вышенным и одновременно тонким профессиональным чувство-
ванием «гремящей окраины земной», обнаруживается близость
морского призвания и крестьянского труда — в их причастности
водной и земной природным стихиям:

Мы словно пахари на поле,
И тралы родственны плугам...

(1,133)

Суровая реальность профессиональных будней нередко предстает в
песнях Ю. Визбора в героико-романтических тонах, не скрадыва-
ющих, однако, неофициозного, драматичного ощущения нелег-
кой трудовой жизни, долгой оторванности от любимых людей:

И Кольский залив нам гудками повторит
Слова, что нам жены сказать не могли...

(«Тралфлот»)

В указанной песне-сказе капитана рыбацкого судна обращенное к слушателю-новичку повествование (с характерными стилевыми особенностями: «мой друг», «пожалуйста бритесь» и др.) о море, «Севере-старике», драматичной судьбе моряка заряжено немалым **педагогическим потенциалом**.

Различия в поэтическом отражении героя трудных профессий у Ю. Визбора и В. Высоцкого

Если у Ю. Визбора в социально-психологических портретах преобладает одухотворенно-романтическое начало, проистекающее от чувства единения героя со своей профессиональной средой, то **в поэзии В. Высоцкого** подобные «профессиональные» портреты, отличающиеся большей социальной остротой, зачастую предстают в виде пронзительной **исповеди героя-одиночки**, болезненно переживающего свою противопоставленность данной среде («Я был слесарь шестого разряда...», «Песенка про прыгуна в высоту», «Песня о штангисте» и др.).

Герой в произведениях В. Высоцкого не человек-функция, а уникальная творческая личность

Центральным в исповедальном монологе героя «Песенки про прыгуна в высоту» (1970) становится его напряженное, строящееся на неизбывных контрастах («Лишь мгновение ты наверху — // И стремительно падаешь вниз») самоосознание не как человека-функции, но в качестве уникальной творческой личности, отстаивающей право на нестандартность в борьбе с «голосами» окружающего мира:

Но, задыхаясь словно от гнева я,
Объяснил толково я: главное,
Что у них толчковая — левая,
А у меня толчковая — правая!

(1,247)*.

Новый свет на надрывное состояние героя в профессиональной сфере проливает и его семейная драма, подчеркивающая конфликтность созданного портрета:

Жаль, жена подложила сюрприз:
Пока я был на самом верху —
Она с кем-то спустилась вниз...

(1,248)

Поэтика контрастов, этический и профессиональный максимализм в отношении героя (противопоставляющегося зрительским «крикам») к себе важны и в «Песне о штангисте» (1971), «Вратаре» (1971), «Песне о сентиментальном боксере» (1966)...

Предметный мир в орбите личностной экзистенции героя

В песнях В. Высоцкого предметный мир, сами «орудия» и «средства» профессиональной деятельности нередко «втянуты» в орбиту личностной экзистенции героя, вступают с ним в сложные партнерско-сопернические отношения, как происхо-

* Здесь и далее ссылки на текст В. Высоцкого приведены с указанием тома и страницы по изданию: *Высоцкий В.С. Сочинения: В 2 т. /Сост. А. Крылов. М., 2001.*

дит со штангой («Песня о штангисте») или самолетом в стихотворении «Я еще не в угаре...» (1975). В последнем возникает даже развернутый психологический портрет не только лирического «я», но и многим близкого ему самолета — «отбившегося от рук», «отгулявшего до последней черты»... Состояние соперничества-сплоченности с миром, смертельного риска в бою, экстатическое напряжение героя в кульминационные мгновения профессионального, боевого самоосуществления придают песням рассматриваемого круга бытийное звучание:

Двадцать вылетов в сутки —

куда веселей!

Мы смеялись, с парилкой туман перепутав...

(1,381)

Отражение человека в ситуациях риска **В отличие от Ю. Визбора, в подавляющем большинстве стихов и песен В. Высоцкого о людях трудных профессий преобладают сюжет-поединок, сюжет-катастрофа, акцент на предельном надрыве оказавшегося в «пограничной» ситуации героя — в большом спорте, морском сражении, альпинизме, геологоразведочной экспедиции...[1].** Сам поэт признавался:

«...Я стараюсь для своих песен выбирать людей, находящихся в момент риска, которые в каждую следующую секунду могут заглянуть в лицо смерти, которые находятся в самой-самой крайней ситуации...» [2]. Такой осознанный подход и придает антропологическому аспекту этих произведений повышенную значимость.

Ситуация поединка человеческой воли со смертью **Архетипическая для В. Высоцкого ситуация поединка человеческой воли со смертью возникает уже в ранней песне «Сорок девять дней» (1960) и получает дальнейшее углубление. Катастрофичный сюжет морского сражения в стихотворении «Еще не вечер» (1968), являя частую для философской лирики поэта «схватку бесшабашную» с судьбой, становится одновременно и испытанием прочности профессионального сообщества («А крысы — пусть уходят с корабля»), и обнаружением спасительной близости бунтующих душ персонажей природной бесконечности: «Ведь океанто с нами заодно...» (1,183). А в «Натянута канате» (1972) в сюжетной динамике, «спрессованной» пространственно-временной организации выстраивается целостная онтология рискованного «пути без страховки», «боя со смертью», внутренне оппозиционная барачно-лагерной обезличенности советского «гетто».**

Проявление инакомыслия в отношении к Системе **Творческое проникновение обоих бардов в различные профессиональные сферы неизбежно несло в себе проявление инакомыслия в отношении к Системе, постижение уязвимых сторон сознания «homo sovieticus». У Ю. Визбора — это прежде всего вызвавший недовольство официоза «Рассказ технолога Петухова» (1964), не-**

Противостояние
ищущей творческой
личности героя вла-
сти бюрократии

ожиданно точно для тех лет отразивший стремление советского человека непременно видеть себя «впереди планеты всей» — причем одновременно и в «делании ракет», и в «области балета»... В стихах В. Высоцкого сходные черты психологии героев проявились в некоторых «спортивных» песнях — в трагикомичном поединке бегуна с «гвинейским другом» («Марафон», 1971), истории с прыгуном, надрывно мечтающим «догнать и перегнать Америку» («Песенка про прыгуна в длину», 1971), в примечательном шахматном состязании («Честь шахматной короны», 1972)...

Сквозной в «профессиональных» песнях В. Высоцкого становится и ситуация **противостояния ищущей творческой личности власти бюрократии**. В «Песне о конькобежце...» (1966) звучит взволнованный монолог «маленького человека» от спорта, готового всеми способами отстаивать свое достоинство в борьбе с безликой спортивной системой. Неожиданный сюжетный поворот в «Случае на шахте» (1967) высветил оборотную сторону громких соцсоревнований и выявил частое неблагополучие внутри самих трудовых коллективов, когда передовой шахтер-стахановец остается под завалом по корыстной воле своего же окружения, «пившего вразнобой «Мадеру», «старку», «зверобой»...» (1,139). В стихотворении же «Тюменская нефть» (1972) насыщенное бытийным смыслом интуитивное чувство героя-нефтяником недр родной земли — «что подо мной не мертвая земля», концентрация душевных и физических сил («счастлив, что, превысив полномочия, / Мы взяли риск...») противостоят духу бюрократических «депеш» из «центра»:

И шлю депеши в центр из Тюмени я:

Дела идут, все боле-менее,

Что — прочь сомнение, что — есть месторождение,

Что — больше «более» у нас и меньше «менее»...

(1,328)

Постижение искрен-
ности личных и про-
фессиональных отно-
шений

В творчестве обоих бардов песни о людях трудных призваний заключают и **художественное постижение межличностных отношений, возвращавшее в общественное сознание тоталитарной эпохи забытую чистоту и свободную от идеологических догм, социальной конфронтации искренность этих отношений как в личной, так и профессиональной сферах** [3].

В стихотворениях Ю. Визбора «Я иду на ледоколе...» (1973), «Остров сокровищ» (1972) межпрофессиональная солидарность воспринимается героем как мощная опора в повседневном труде. В первом из них рассказ бывалого, «идушего на ледоколе» моряка о профессиональной сплоченности с подводниками («У подводника гитара / И ракет большой запас...») органично вписывается в проникновенное послание, обращенное к далекой возлюбленной.

Художественная диалектика коллективного и индивидуального в произведениях Ю. Визбора

И таким образом выстраивается у Ю. Визбора *художественная диалектика коллективного и индивидуального*:

Но никто из них не видит
В чудо-технику свою...
Что печально, дорогая,
Жить на свете без тебя.

(1,257)

У Ю. Визбора и В. Высоцкого значительное место уделено и воспеванию красоты мужской дружбы, закаленной в нелегких испытаниях профессиональной судьбы, а также на фронтовых путях — если вспомнить «военный» цикл В. Высоцкого. В стихотворениях же Ю. Визбора «Остров сокровищ», «Десантники слушают музыку» (1963), «Экипажу Рюмин — Попов» (1980) художественное познание «биографии трудных морей», скрытых «механизмов» «мужского общежития во всей своей красе» на море и в небе достигнуто в *соединении реально-бытового и возвышенно-романтического*:

Когда-нибудь закончится
Обилие чудес —
Вернутся к нам в Сокольники
Соколики с небес.
Земные — это правильно, —
Но все ж немножко ангелы:
Один из испытателей,
Другой из ВВС.

(1,343)

Размышления о формах межличностного родства в поэзии Ю. Визбора

Размышления о формах межчеловеческого родства в профессиональных, семейных отношениях обретают в поэзии Ю. Визбора и философское звучание, расширяя сферу лирической эмоциональности поэта-певца. Так, в стихотворении «Я бы новую жизнь своровал бы, как вор...» (1968) подлинно актерское вчувствование в личностный смысл различных профессиональных судеб умножает в глазах героя ценность тепла семейной привязанности:

Но ведь я пошутил. Я спускаюсь с небес,
Перед утром курю, как солдат перед боем.
Свой единственный век отдаю я тебе...

(1,195)

На соединении бытового и таинственного начал профессионального труда построено и стихотворение «Как песни, перетертые до дыр...» (1965): осуществляемая радиостом связь видится как «напиток драгоценный», наполняющий души героев ощущением целостности бытия «поверх барьеров» пространств. Важна здесь синхронизация поэтического видения далеких человеческих судеб:

А в южных городах встают девчонки
И в институты разные спешат,
И крестят, как детей, свои зачетки,
И с ужасом шпаргалками шуршат.
А в северных морях от юта к баку
Штормище ходит, ветрами ревет...

(1,149)

Надорванность человеческого «я» в лирике В. Высоцкого

«Драгоценная связь» людей в профессиональном общении оказывается значительной и в «психологической» лирике В. Высоцкого, где она, чаще в сопоставлении с Ю. Визбором, ассоциируется с мучительной надорванностью человеческого «я».

Яркий пример тому — песня «Ноль семь» (1969), где поэтизация будничного труда телефонистки («Стала телефонистка мадонной...») проистекает из драматичного положения героя на грани одиночества. Сила лирической эмоции выражена здесь в прерывистой ткани стиха, сочетающей взволнованный монолог с диалогическими, адресованными любимой женщине и другу репликами. «Профессиональная» ситуация телефонной связи обретает психологическую значимость:

Девушка, милая! Я прошу — продлите!
Вы теперь как ангел — не сходите ж с алтаря!
Самое главное — впереди, поймите...
Вот уже ответили.
Ну здравствуй, это я!

(1,198)

Поиск «зон» душевной открытости личности в разных профессиях

Поиск «зон» душевной открытости личности в разнообразных профессиональных сферах сближает песни Ю. Визбора и В. Высоцкого. Причем речь может идти и о глубоком сближении душ в общем призывании, как, например, в «Скалолазке» В. Высоцкого (1966), и о кратковременных, но весьма значимых человеческих общностях, показанных, например, в стихотворениях Ю. Визбора «Такси» (1965) и В. Высоцкого «Рты подъездов, уши арок и глаза оконных рам» (1965), которые созвучны по сюжетной ситуации. Если у Ю. Визбора личная драма героя приоткрывается в неожиданном доверительном диалоге с незнакомым таксистом, то стихотворение В. Высоцкого построено как рассказ бывалого таксиста, тонко чувствующего коммуникативный смысл своего труда и приобретшего в этом труде опыт понимания самых разных человеческих душ. «Новеллистичная» структура его рассказа, сотканного из внутренне связанных мини-эпизодов и характеризующегося словесной емкостью, придает монологу «ролевого» героя эмоциональную убедительность:

Мы случайные советчики, творцы летучих фраз, —
Вы нас спрашивали — мы вам отвечали.

Мы — лихие собеседники веселья, но подчас
Мы — надежные молчаливники печали...

(2,88)

Сходство систем образов-символов в изображении психологии героя
В поэзии Ю. Визбора и В. Высоцкого изображение психологии героев — представителей трудных профессий, экстремальных условий их жизни отразилось и в сближающей обоих поэтов системе образов-символов. Символическим потенциалом наделены здесь образы моря, гор, Земли, а также сквозной мотив пути.

Образ морской стихии и тяга души к непостижимому
В визборовской песне «Океан» (1963) символика морской стихии спроецирована как на извечную тягу души к непостижимому («неразрешимое решать»), так и на реальные моменты жизни людей трудного призвания:

И, как подвыпивший подводник,
Всю ночь рыдает океан...

В стихотворении же В. Высоцкого «Шторм» (1976) яркая словесная фактура профессионального языка моряков («Мы говорим не «штормы», а «шторма... чтим чутье компасов и носов») открывает таинственное измерение в океанском пространстве:

Кто в океане видит только воду —
Тот на земле не замечает гор...

(1,435)

Антропологические смыслы образа гор
Хронотоп гор у обоих бардов также имеет глубокий образный, антропологический смысл. Размышляя о личностном значении альпинистской деятельности, Ю. Визбор отмечал в ней мощный стимул внутреннего роста человека, который «воздвигает сам себя, засеивает поле своей судьбы мужеством, взращивает в себе мощные и прекрасные всходы. От этого и накапливается в альпинисте мудрость философа...» (3,134). В «горных», «альпинистских» песнях Ю. Визбора и В. Высоцкого именно на «самовоздвигании» личности в общении с миром гор и сделан главный акцент. У позднего Ю. Визбора «альпинистская» песня все определеннее вбирает в себя черты философской элегии: в стихотворении «Тропа альпинистов — не просто тропа...» (1976) центральный образ постепенно познаваемого героями горного пространства помещен в широкое ассоциативное поле:

Тропа альпинистов — не просто тропа:
Тропа альпинистов — дорога раздумий
О судьбах миров, о жестокости скал,
О женщинах наших, которых мы любим...

(1,288)

Экзистенциальный характер оппозиции «равнины — горы»
У В. Высоцкого же оппозиция «равнины» и «гор» приобретает экзистенциальный характер. Так, в стихотворении «Здесь вам не равнина» (1966) антропологическая значимость вживания героя в

мир, где «за камнепадом ревет камнепад» сопряжена с *этикой риска, самоиспытания, отказа от «уютя», с осознанием непрерывности духовного поиска:*

Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа...

(1,111)

Весомой оказывается здесь, а также в «Военной песне» (1966) и об-
разная ассоциация полного опасностей мира гор и трудных исто-
рических судеб соотечественников на нелегких фронтовых доро-
гах:

Как Вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом,
Которую ты так и не покорил...

(1,112)

Море и горы — все-
единство мира, его вы-
сот и глубин

А в «Гимне морю и горам» (1976) бесконечная перспектива духовно-
го восхождения человека в «служении стихиям», глубинное чув-
ствование полюсов бытия заряжает его ощущением вечности,
всеединства мира — его высот и глубин:

Благословенны вечные хребты,
Благословен Великий океан!

(1,436)

Символика пути
и дороги жизни

Таким образом, символика пути, дорог жизни оказывается
сквозной в произведениях Ю. Визбора и В. Высоцкого анали-
зируемого ряда. Хотя если у Ю. Визбора чаще подчеркнуто
врачающее действие «дорог», морских путей на души героев:

Плаваем мы не от скуки,
Ищем не просто тревог:
Штопаем раны разлуки
Серою ниткой дорог.

(1,108)

то в поэтическом контексте В. Высоцкого неумолимо ожида-
ющие героев-«профессионалов» «четыре четверти пути»,
«непройденные дороги» и «невзятые рубежи» над «пропас-
тью», как правило, имеют трагедийную окрашенность, знаме-
нуя катастрофические изгибы человеческой судьбы, «погра-
ничные» состояния личности («Натянутый канат», «Песня
летчика», «Спасите наши души», «Ну вот, исчезла дрожь в
руках...» и др.).

Творческое призвание
Поэта

В мире Ю. Визбора и В. Высоцкого принципиально важна и связь интуиций о судьбах представителей трудных профессий с пониманием творческого призвания Поэта. Так, в визборов-
ской «Песне о поэтах» (1963) неординарное для этого времени
размышление о драматичной участи поэтов «служить в госкоми-
тетах» выводит на осознание органичной близости вольнолюбив-

вого творческого призвания профессиональному труду в экстремальных, свободных от сковывающей официальности условиях — мысль, обретающая здесь и скрытый социальный подтекст:

Им бы, поэтам, плавать бы в море,
Лед бы рубить им на ледниках,
Знать бы им счастье, мыкать бы горе,
Камни таскать бы им в рюкзаках...

(1,100)

В. Высоцким же личностный, «профессиональный» поединок поэта-певца с царящей в обществе кривизной в заостренной форме изображен в дилогии «Певец у микрофона» и «Песня микрофона» (1971). Прописанная с мельчайшими подробностями профессиональная ситуация сценического выступления, увиденная «глазами» певца, а затем и микрофона, пронизана ощущением повышенного экзистенциального, психофизического напряжения, родственного, быть может, тому, что было отмечено нами в «морских» или «альпинистских» песнях:

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!.. Жара!..

(1,271)

«Пороговое» состояние героя на сцене — в общении с гитарой, микрофоном, аудиторией — порождено чувством глубинной внутренней обнаженности поэта в стремлении на пределе сил открывать правду в мире лицемерия. А во взволнованной «исповеди» микрофона, в итоге не сумевшего подавить свою индивидуальность ради «патоки, сладкой помеси», нравственный максимализм предопределяет тяжелейшую «профессиональную» драму:

В чем угодно меня обвините —
Только против себя не пойдешь:
По профессии я — усилитель, —
Я страдал — но усиливал ложь...

(1,273)

Роль творческой личности в современности и Вечности

Расширенное восприятие обоими поэтами феномена трудной профессии позволяет, таким образом, соотнести их «сюжетные», «ролевые» песни о морях и альпинистах, шахтерах и нефтяниках с глубокими раздумьями о бытийной, социальной роли творческой личности в современности и Вечности.

Итак, антропологический аспект оказался ключевым в песнях В.Визбора и В. Высоцкого, обращенных к постижению судеб людей нелегких профессиональных призваний. В этих густо «населенных» самыми различными персонажами произведениях запечатлелись жизненные пути современников в их профессиональном, творческом делании — людей, обретших в бардовских песнях

свободную от официозного грима возможность прямого вербального самораскрытия в конкретных речевых формах. Разноплановое в жанрово-стилевом отношении (от лирических монологов до «ролевых» песен-«мини-пьес») песенное многоголосие в произведениях Ю. Визбора и В. Высоцкого было направлено на углубленное исследование душевной жизни личности, потаенных «механизмов» межчеловеческого общения, бытийных основ отношений человека и мира, запечатлевшихся у обоих авторов в близком образно-символическом ряде. Однако если у Ю. Визбора преобладают *поэтические, нередко окрашенные лирико-романтическими тонами портреты героев*, данные сквозь призму взгляда «повествователя», то произведения В. Высоцкого характеризуются *более напряженной сюжетной динамикой, острой конфликтностью, исповедальной пронзительностью*, что отразило общую направленность эволюции авторской песни — от истоков конца 1950-х к последующему усилению трагедийного звучания и социальной остроты творчества бардов 1970—1980-х гг. (Высоцкий В., Галич А., Городницкий А., Окуджава Б., Тальков И. и др.) [4].

Разнообразная типология характеров, сюжетных ситуаций в стихах-песнях Ю. Визбора и В. Высоцкого о людях трудных профессий, несомненно, расширила горизонты поэтического слова и способствовала обогащению лирики новыми перспективами антропологического знания.

-
1. Скобелев А.В., Шаулов С.М. Концепция человека и мира (Этика и эстетика В. Высоцкого) // В. Высоцкий. Исследования и материалы. Воронеж, 1990. С. 32; Свиридов С.В. Структура художественного пространства в поэзии В. Высоцкого: Дисс. канд. филол. наук. М., 2003. С. 55.
 2. Владимир Высоцкий. Человек. Поэт. Актер. М., 1989. С. 121.
 3. Священник Михаил Ходанов. «Спасите наши души!..»: О христианском осмыслении поэзии В. Высоцкого, И. Талькова, Б. Окуджавы и А. Галича. М., 2000. С. 34—36.
 4. Зайцев В.А. Русская поэзия XX века: 1940—1990-е годы. М., 2001. С. 152—153.

